

Производственное объединение "Маяк" /город Озерск, Челябинская область/ более всего известно в мире аварией 1957 года.

Взрыв емкости с радиоактивными отходами на комбинате "Маяк" в 1957 году, где производили первый советский оружейный плутоний, действительно имел серьезнейшие последствия.

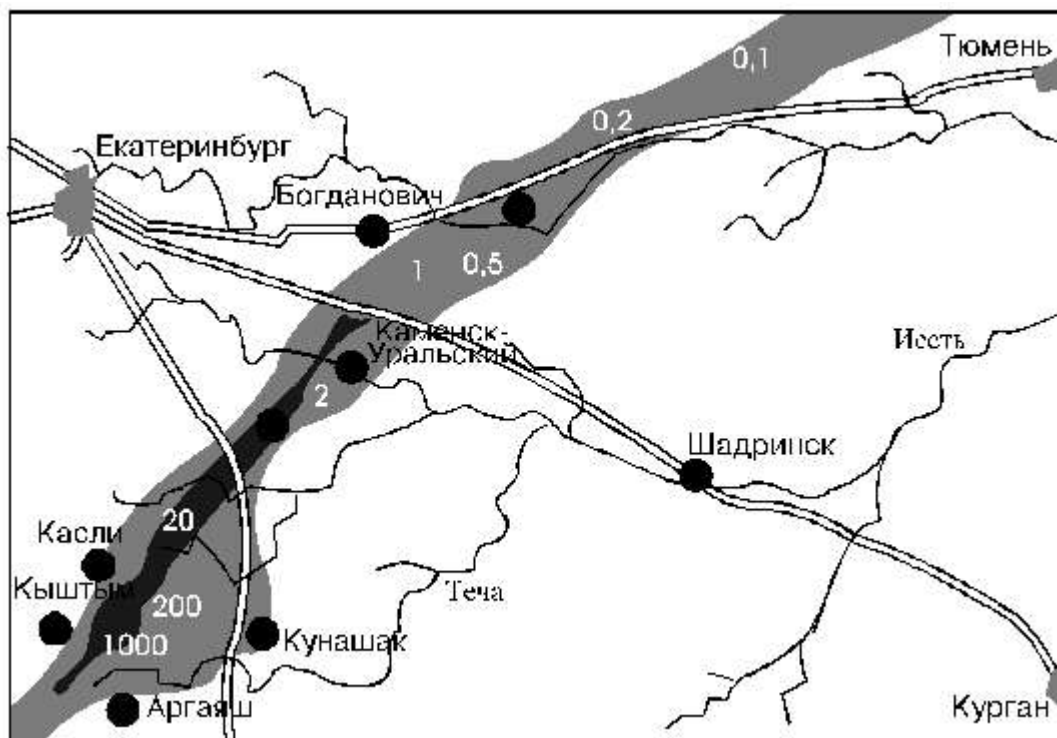
Восточно-уральский радиоактивный след (ВУРС) после взрыва протянулся почти на 400 километров - от Челябинска до Тюмени.

До 1990 года город Озерск был известен как Челябинск-40, а затем - как Челябинск-65. Экологи утверждают, что с 1948 по 1992 год на "Маяке" было произведено 3 тонны плутония-238. При этом, в реку Теча с 1949 по 1956 год было сброшено большое количество высоко и средне-активных жидких радиоактивных отходов. А после ноября 1951 года высоко-активные жидкие отходы начали сливать в озеро Карачай.

Город Челябинск-40, так же как и химический комбинат "Маяк", были одним из первенцев советской атомной промышленности. Именно здесь, на Южном Урале, недалеко от города Кыштым был построен первый промышленный комплекс по производству плутония. Как известно, советская атомная бомба создавалась по типу американской, т.е. на плутониевой основе. Поэтому организация производства плутония в промышленных масштабах для отечественных атомщиков стала приоритетной задачей. Так под Кыштымом появился секретный объект под литерой "А" - промышленный ядерный реактор. Там получали обогащенный уран. Строительство реактора началось в 1947 году, а на проектную мощность он должен был выйти в июне 1948 г. Однако из-за технических неполадок уже работающий реактор пришлось в аварийном порядке останавливать и отложить победный рапорт до марта 1949 г. Между тем строительство комбината продолжалось. Рядом с объектом "А" был построен объект "Б" - радиохимический завод, где из урана выделяли плутоний. И уже на третьей стадии - "В" - на химико-металлургическом заводе было налажено производство высокочистого металлического плутония, а из него - ядерных зарядов для взрывного устройства.

Рядом с комбинатом рос свой Атомград - тот самый Челябинск-40, или Озерск. Жизнь в городе и работа на комбинате всегда была сопряжена с большим риском. Об экологической безопасности мало кто тогда думал. Отходы ядерного производства сбрасывались в местную речку. Окрестные жители, конечно, ни о чем не догадывались и продолжали жить и кормиться около зараженной радионуклидами реки. Однако то, что случилось 29 сентября 1957 года, стало настоящей катастрофой.

В хранилище с ядерными отходами произошел тепловой взрыв. Радиоактивное облако накрыло территорию примерно в 20 тысяч квадратных километров. Помимо Озерска в полосе загрязнения оказалось более 200 поселений, около 300 тыс. жителей. Необычное желтое облако и туман в тот день наблюдали многие очевидцы. Потом в местной газете появилось незатейливое объяснение: мол, то было редкое явление природы.

На ликвидацию последствий аварии были брошены воинские части и местные жители. Никаких специальных средств защиты им не полагалось. Солдаты, которые разгребали завалы над взорвавшейся шахтой, а потом засыпали ее, работали даже без респираторов. Потом, правда, началось переселение людей - и то только с наиболее загрязненных участков. Из "мертвой зоны" вывезли примерно 10 тысяч человек. Под разными предлогами. Например, говорили, что нашли нефть, и поэтому деревня идет под снос.

Обстоятельства и последствия катастрофы держались в строгой секретности. Даже врачам запрещали ставить диагноз "лучевая болезнь". И все-таки именно врачи первыми забили тревогу.

История Кыштымской атомной катастрофы глазами очевидца

Свидетельство урки

...Меня отправили для отбытия наказания в Челябинск-40 (раньше он вроде бы назывался "Озерск"). Там было подземное производство ядерного оружия, отчего местные озера не замерзали зимой, а парили. По воде "шуровали" военные катера. Наш лагерь располагался непосредственно над заводом. Рядом была часть военных строителей (тысячи три солдат). Нас привезли туда человек 70. Я работал бетонщиком, другие сварщиками, плотниками, арматурщиками. По вольным "шоколадникам" (как мы их между собой называли), мы догадывались, что происходит вокруг. Мы видели через забор, как вольные работали в чистых белых одеждах. Мы знали, что они получали за вредную работу ежедневно по килограмму шоколада. Отсюда и пошла кличка. Нас тоже кормили хорошо и давали зарабатывать деньги - наступила хрущевская "оттепель". По показаниям дозиметров, которыми нас проверяли, все зеки знали, что давно уже "прихвачены" радиацией.....

«100 великих катастроф»

Химкомбинат «Маяк», который был известен также под названием «Челябинск-40», затем стал называться «Челябинск-65», а теперь известен как город Озерск. После Великой Отечественной войны здесь развернулась особо секретная стройка. Научно-производственное объединение «Маяк» стало первым в стране комплексом по наработке военного плутония для атомной бомбы.

Рассказывают, что капсулу с первыми граммами смертоносного элемента И.В. Курчатов вынес из реактора в собственных ладонях. О последствиях облучения тогда было известно мало. Ученые терялись в догадках о причинах «невидимой» смерти. А от нее уже умирали солдаты и офицеры, охранявшие необычное предприятие.

Седьмого октября 1957 года министру внутренних дел поступило донесение о событиях в «Челябинске-40»: «Авария представляет собой взрыв гремучего газа в специальном отстойнике». В воздух было выброшено большое количество радиоактивных частиц. Из этих частиц образовалось облако, которое некоторое время держалось над местом взрыва». Поднявшийся вскоре ветер понес его в северо-восточном направлении.

Свидетельство урки

А потом пришел тот злополучный выходной. В тот день мы не работали. Я спал на нижнем ярусе нар, рядом с окном, выходившим в сторону завода. Внезапно меня швырнуло на пол. Мои соседи от падения получили ссадины и синяки, а я отделался испугом. Поднявшись, я подошел к окну с выбитыми стеклами и увидел быстро увеличивающийся в объемах огненный гриб. Шляпа гриба расходилась по небу и вскоре закрыла солнце. Где-то через полчаса выпали черные, сажевые осадки, покрывшие все вокруг.

«100 великих катастроф»

29 сентября 1957 года был воскресный день, солнечный и очень теплый. Горожане занимались своими повседневными делами. Примерно в 16 часов 30 минут раздался грохот взрыва и поднялся столб дыма и пыли высотой до километра, который мерцал оранжево-красным светом. Это создавало иллюзию северного сияния.

Радиоактивное облако покрыло объекты химкомбината «Маяк». Всего здесь находилось около трех тысяч человек. На месте, где находилось хранилище радиоактивных отходов, поднялся огромный столб пыли. Густое черно-серо-бурое облако нависло над казармами, во время яркого солнечного дня наступила темнота. Состояние людей было подавленным. Служебные собаки выли, не умолкая ни на минуту. В первые часы после взрыва на головы людей падали крупные радиоактивные хлопья сажи, и выпадение радиоактивных веществ было очень интенсивным. Мелкие частицы продолжали падать и на следующий день. Как только радиоактивное облако накрыло военный городок, вызвали дозиметристов. Те объявили, что нужно немедленно эвакуировать людей. Предварительно военнотружущие прошли санитарную обработку в бане, горячей водой мылись по несколько часов.

Свидетельство урки

...Зеки питались под открытым небом. Столы и лавки были покрыты слоем сажи толщиной в 3-4 см. Когда мы пришли на ужин, и кто чем мог - тряпкой, бумажкой, рукавом - стирали со столов сажу. А она все еще продолжала падать с неба: кому в миски с кашей, кому на хлеб. Паники не было, но спорили предостаточно. Кто говорил, что это диверсия, кто - авария, кто - учебный взрыв. От администрации никаких сообщений не последовало.

Сумерки были совершенно черными. А затем под открытым небом мы смотрели кинофильм "Путевка в жизнь". На месте гриба небо имело красное свечение в диаметре около километра.

Ночью нас подняли голоса из громкоговорителей, известившие, что мы находимся в зоне повышенного ядерного заражения. Нам приказали быть готовыми к эвакуации, вещей не брать (даже денег и "безделушек" из драгметаллов). Началась невообразимая паника. Зеки повалили к проходной, где стояли автоматчики. Послышались очереди. Я находился в бараке и не видел происходившего у выхода. Были ли там убитые и раненые - не знаю, хотя разные слухи ходили.

Красное зарево потускнело, начало светать. Нас погрузили в автомашины и вывезли в какой-то лес. На большой поляне в ряд стояли столы, а по соседству - кучи новых спецовок, трусов и маек. Через усилитель прокричали: "Всем раздеться, все вещи бросить в кучу!" Голыми мы подходили к столам, где определялась доза облучения. Шкала дозиметра была рассчитана на 900 единиц. Сколько это составляет рентген - никто сказать не мог. Лично я "вызвенел" на 800 единиц. Стрелка дозиметра колебалась в зависимости от того, к какому участку тела подносили датчик. Больше всего "звенели" золотые зубы и волосы (их в 1954 году разрешили заключенным не сбрасывать).

Канитель продлилась до позднего вечера. Перед проверкой зеки из-за жадности ухитрялись даже глотать золотые кольца.

«100 великих катастроф»

На другой день после взрыва началась эвакуация оружия и боеприпасов. Часть оружия была так сильно загрязнена, что его пришлось зарыть в одном из котлованов. Менее загрязненное оружие пытались отмыть: с деревянных частей до белого цвета соскабливали стружку, а металлические части чистили песком и шкуркой. Но полностью очистить не могли, а «загрязненное» оружие военно-оружейный склад не принимал. Так и несли службу некоторые солдаты с радиоактивно загрязненным оружием.

Свидетельство урки

...Ближе к вечеру нас привезли в город, где была зона номер восемь. А в ней - около 800 зеков, получивших от нас дозу. Среди вновь прибывшей сюда тысячи заключенных - прямых носителей радиационного заражения - на третий день после трагедии усилились панические настроения. Раздались крики: "Мы - заживо похороненные! Мы - прокаженные!". Перед нами с мегафоном в руках выступил полковник или генерал – точно не помню. В его выступлении были слова, что некоторым из нас это заражение будет как бы лекарством. Другим гарантировал лечение.

Мы пришли в баню. В предбаннике у каждого зарегистрировали степень заражения и объяснили: "Пока не смоешь 30 единиц - не выпустим". В моечном отделении были приготовлены холодная вода, хозяйственное мыло и мелкий песок, который хорошо "уносил" эти злосчастные "единицы", но уж больно раздражал кожу. При выходе из бани дозиметр показал, что я "смыл" с себя 20 единиц. Мне выдали совершенно новые майку, трусы, брюки и куртку. За полтора суток эту процедуру проходила все. А затем все повторялось, и мы вновь бросали в ящик для сжигания ношенные вещи.

Через месяц этого "лечения" мы уже "звенели" всего на 300 - 350 единиц. Постепенно прекратила дымить яма, где сжигали наши тряпки. А мы все думали, что если бы мы "сидели" при жизни Сталина, то нас бы всех расстреляли. Позже наш "казанский" этап (40-60 человек) разбросали по разным ОЛПам. В ноябре того же года меня досрочно освободили. В 1959 году я встречался с двоими из того этапа, а в 1977 году узнал, что они скончались. Никого не осталось с той поры. Жена померла. Детей после такого быть не могло.

«100 великих катастроф»

Ветром облако разнеслось по лесам, полям и озерам Челябинской, Свердловской и Тюменской областей. Из окрестных деревень пришлось эвакуировать более десяти тысяч человек. В 1958 из сельскохозяйственного использования было изъято 59 тысяч гектаров в Челябинской и 47 тысяч гектаров в Свердловской областях. В результате аварии облучению подверглись 124 тысячи человек. Весной 1963 года в этих краях случилась засуха. Мелководное озеро Карачай пересохло, и образовавшаяся пыльная буря увеличила число жертв Восточно-Уральского радиоактивного следа еще на сорок тысяч человек. Кыштымская трагедия (так именуют эту тройную катастрофу) по своим последствиям намного превосходит Чернобыль...

Курносков Валерий

Еще статейку нашла:

1945 год. Усилиями Советской Армии, ценою жизни 27 млн лучших сынов и дочерей России отправлен в преисподнюю «тысячелетний рейх». Но серые люди в Белом доме уже всю работу над тем, как запугать, поставить на колени страну Сергея Радонежского и Серафима Саровского, Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, Сталина и Жукова. Нашу с вами Родину — святую Русь, как бы ни именовали её в разные периоды.

Первую попытку атомного шантажа решили осуществить на Потсдамской конференции.

Свидетельствует военный историк Анатолий Кошкин:

«Прибыв в Потсдам, Трумэн с нетерпением ждал результатов запланированного к началу конференции испытания атомной бомбы. Краткая телеграмма об успешном взрыве была вручена президенту вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания "удовлетворительны и даже превзошли ожидания"... 21 июля из США поступил подробный письменный отчет об испытательном взрыве близ авиабазы Аламагордо в пустынном районе штата Нью-Мексико. Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал

главу советской делегации о том, что в США разработано оружие огромной разрушительной силы. При этом слова "атомная бомба" произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля даже сложилось впечатление, что советский лидер "не понял значения" сделанного ему сообщения.

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескураживающим союзников образом именно потому, что всё прекрасно понял. Советское правительство давно уже располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры также вело работы такого рода.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков так рассказывал о реакции Сталина на сообщение Трумэна: "Вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моём присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал: "Цену себе набивают". Сталин рассмеялся: "Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы".

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы. Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 9 августа 1945 г. это подтвердилось на практике: американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселённые японские города Нагасаки и Хиросиму». Как видно из этого отрывка, в Потсдаме в отличие от Ялты уже начинали дуть ветры «холодной войны».

Именно тогда в качестве безальтернативного ответа на неприкрытый атомный шантаж США и было принято решение в рамках «Атомного проекта» для создания стратегического оружия защиты СССР построить на Урале в Челябинской области сложнейшее производственное объединение «Маяк» для выработки плутония. На многие годы строительство и деятельность этого уникального научно-промышленного комплекса оказались неразрывно связаны со службами НКВД-МВД СССР. Правопорядок в закрытом городе Челябинск-40 обеспечивала спецмилиция, пожарную безопасность — специальные пожарные подразделения МВД, охрану объектов и лагерей заключённых — внутренние и конвойные войска МВД СССР. Руководил строительством (теперь мы знаем, что и всем атомным проектом) Л. П. Берия, долгие годы возглавлявший МВД страны. Такие крупные учёные, как И. В. Курчатов и Е. П. Славский и после ареста и расстрела Берия отмечали его безусловный позитивный вклад в создание атомного щита Родины. Именно здесь, в Кыштыме, офицерам и солдатам внутренних войск, пожарной охраны и милиции пришлось в сентябре 1957 г. стать живым щитом, защищая Россию от взбесившегося атомного зверя...

29 сентября 1997 г. в одном из торжественных залов МВД России на ул. Огарёва, 6 (ныне Газетный переулок) президент Чернобыльской Ассоциации МВД генерал-лейтенант Н. И. Демидов вручает памятные подарки и награды группе убелённых сединами ветеранов военной и милицейской службы. Самым старшим из них — Б. Л. Молчанову, Н. С. Нифонтову, М. С. Лосеву около 75 лет. Эти трое не скрывают скупых мужских слёз — слёз боли, горечи и страдания с радостью и удивлением пополам. «Никогда не думал, что доживу до этого дня, когда можно вслух, открыто поделиться правдой о трагедии и подвиге, в круговорот которых попали мы сорок лет назад и которые изменили нашу жизнь», — говорит генерал-майор в отставке Б. Л. Молчанов, командовавший дивизией внутренних войск, дислоцировавшейся в Челябинске. Сорок долгих лет молчания о первой в СССР широкомасштабной радиационной катастрофе в Кыштыме кончились для этих людей, давших в октябре 1957 г. подписку об абсолютном неразглашении малейших

деталей того страшного события, участниками которого оказались все они на уральском сверхсекретном объекте, именовавшемся в официальных документах ПО «Маяк». Вспоминает Н. С. Нифонтов: «Соблюдая подписку об абсолютном неразглашении тайны Кыштыма, мы даже врачам не могли сказать о первопричине наших недугов — атомной радиации, в семье не могли обмолвиться о пережитом кошмаре. А ведь если бы страна знала о Кыштымской трагедии, многого, случившегося в Чернобыле, можно было бы избежать. Мы невольно чувствовали себя виноватыми — ведь в Чернобыле наши боевые друзья споткнулись о те же грабли, что и мы в Кыштыме, — отсутствие респираторов, незнание элементарных норм личной безопасности при работе в радиоактивной зоне, в организации питания личного состава, вплоть до разрешения употреблять в пищу грибы! Те же огрехи в работе по дезактивации автотранспорта и техники, в сооружении скотомогильников. Говорят, умные учатся на чужих ошибках, мы же не делаем простейших выводов из своих собственных...»

Боль ветеранов-кыштымцев за неустыжанный колокол Челябинска-40 понятна, но вины их в том нет. Исследования, проведённые Ассоциацией «МВД — Щит Чернобыля» по кыштымской тематике неопровержимо доказывают, что саркофаг суперсекретности, сооружённый трусливой и предательской хрущёвской партноменклатурой вокруг Кыштымской трагедии, преследовал одну цель: увести её от ответственности перед народом, перед законом за грубейшие просчёты в организации функционирования высокорисковых объектов, в первую очередь радиационно и химически опасных, скрыть собственную неспособность обеспечить цивилизованное управление государством и экологическую безопасность населения.

Сегодня мы можем дать научно аргументированный ответ на вопрос: можно ли было избежать Чернобыльской катастрофы планетарного масштаба. Во всяком случае, вероятность можно и должно было максимально минимизировать, если бы вовремя были извлечены уроки из первой техногенной катастрофы ПО «Маяк», происшедшей в сентябре 1957 г. Однако тогдашнее «реформаторское» руководство партии и страны во главе с Н. С. Хрущёвым предпочло замолчать и максимально засекретить случившееся на Урале, чтобы не подорвать дутый авторитет лжевождя, пытавшегося приписать себе заслуги И. В. Сталина в создании ракетно-ядерного щита Родины. Цена этого умолчания оказалась предельно высокой.

Итак, что же произошло в Кыштыме? Вспоминает Е. П. Славский, трижды Герой

Социалистического Труда, кавалер 10 орденов Ленина, более 30 лет возглавлявший Минсредмаш — государство в государстве, империю атомной индустрии:

«Вечером 29 сентября 1957 г. позвонил взбешённый Н. С. Хрущёв и в грубых выражениях стал осыпать меня оскорблениями за "кыштымскую подставу", угрожал всех "урить" за случившееся. Я сказал: "Никита Сергеевич, мне пока не звонили с "Маяка-40" о деталях аварии, разберусь и Вам доложу". Хрущёв распалился ещё более, так, что чёрная трубка "вертушки", казалось, раскалилась добела: "Вы что в простачка играете? Через месяц 40-летие Октября, приедут гости со всего мира, а Вы мне такой сюрприз приготовили?! Вылетайте на место и сразу доложите мне о ликвидации аварии или что там у вас... Никаких отговорок! Видимо, июньский пленум Вас ничему не научил!" Выругавшись и вновь пообещав "урить", импульсивный Н. С. Хрущёв бросил трубку».

Спустя час на стол министра легла шифротелеграмма: «29 сентября 1957 г. в 16 час. 25 мин. на Производственном объединении "Маяк" в подземном могильнике по хранению радиационных твёрдых отходов плутониевого производства компонентов ядерного оружия произошёл тепловой взрыв с выбросом в атмосферу из ёмкости 10–15 млн кюри радиоактивности. В результате взрыва с ёмкости подземного хранилища могильника сорвана 160-тонная бетонная плита. Образовался столб дыма и пыли высотой до километра. Имеются разрушения и повреждения зданий,

сооружений, техники и транспорта в радиусе трёх километров. В ликвидации аварии и охране объекта, кроме персонала ПО "Маяк", задействованы усиленные наряды внутренних войск и спецуправления пожарной охраны МВД СССР».

Только значительно позже было установлено, что во взорвавшейся ёмкости находилось 20 млн кюри активности. Выброшенные из неё 18 млн кюри осели на промплощадке, а около 2 млн были подняты в воздух и подхвачены ветром. Радиоактивное облако накрыло территорию около 15 тыс. квадратных километров. В промышленной зоне радиоактивному загрязнению подверглись пожарная и воинская части, полк военных строителей и лагерь заключённых.

Несколькими днями раньше в воинскую часть прибыло молодое пополнение — новобранцы из Москвы. С ними проводились обычные занятия, когда примерно около 16 час. 30 мин. раздался сильный взрыв. В казармах, обращённых к фронту ударной волны, выбило все стекла, на КПП были сорваны металлические ворота. Многие выбежали на улицу, некоторые кинулись в оружейный парк за оружием. Часовой, который стоял у въездных ворот, прыгнул в канализационный колодец и занял там оборонительную позицию. Первое, чем он поинтересовался у подошедшего к нему офицера, — не началась ли война? Ему было приказано надеть противогаз и продолжать нести службу в проходной, пока не последуют дальнейшие указания.

Как позже выяснилось, радиоактивное облако накрыло многие объекты химкомбината «Маяк», реакторные заводы, новый строящийся радиохимический завод...

Но всё же Провидение дало шанс Челябинску-40. Направление ветра в середине дня 29 сентября изменилось, и благодаря этому радиоактивный выброс в два млн кюри миновал город и разнёсся по лесам, озёрам, болотам, полям Челябинской, Свердловской и Тюменской областей.

Как и в Чернобыле 30 лет спустя, героические действия пожарных в Кыштыме преградили путь атомному джину.

Н. Г. Митронов: «Выйдя из ПСЧ, увидел, что облако движется в сторону 37-го завода и пожарного депо. Через несколько минут позвонил заместитель начальника УПО подполковник Воскресенский В. В. и сказал, чтобы из части никто не отлучался, и что он скоро придет. Минут через 20 он появился и сообщил мне, что на заводе 25 произошёл взрыв одной из банок на комплексе "С". Воскресенский В. В. взял всё руководство пожарными подразделениями на себя как старший начальник гарнизона.

Весь свободный от дежурства личный состав был собран по тревоге, боевыми расчётами были укомплектованы все резервные пожарные машины. А боевые пожарные расчёты дежурных караулов гарнизона в это время уже работали по ликвидации последствий аварии на заводах. Мы отмывали проезжие части дорог и тротуары водой и пеной из стволов пожарных машин на заводах 24 и 37, за 3-й пожарной частью, где располагались части МВД и МО, а также лагерь заключённых. Отмывка дорог и тротуаров на объектах велась почти всю ночь. Когда дороги были отмыты (конечно, относительно), в 3 час. ночи 30 сентября командование воинской части и лагеря начало эвакуацию людей в сторону города, а личный состав 3-й части оставался в зоне загрязнения. Только в 11 час. 30 сентября было принято решение эвакуировать весь личный состав с автотехникой во 2-ю пожарную часть, расположенную около 22-й площадки. При эвакуации начальник части принял решение для охраны пожарного депо и связи с 1-ЦТПС оставить двух солдат и радиотелефониста, потом они в течение 2 месяцев посменно несли службу в здании пожарного депо. Личный состав всех пожарных частей несколько месяцев отмывал от "грязи" дороги и кровли зданий, тушили пожары в зоне загрязнения, потому что оставшиеся бесхозные здания никто не охранял, а посторонние люди в корыстных целях что-то в этих зданиях

искали, а потом поджигали. Приходилось тушить такие здания, чтобы не дать "грязи" распространиться с ветром по городу и другим объектам».

А вот скорбная исповедь Н. П. Иванова о судьбе несчастной радиотелефонистки и солдат, охранявших пожарное депо:

«Само здание охранялось тоже посменно солдатами-пожарными, которые ходили вокруг здания по загрязнённой территории. Конечно, все они изрядно облучились. Сколько "БЭР" получили — только Богу известно. Пальто телефонистки Р. Е. Секисовой служба "Д" после замера дозиметрическим прибором изъяла и не возвратила из-за большой загрязнённости радиоактивными веществами. Её сменщицами были телефонистки Кукина и Коваль. Секисова вскоре уволилась и устроилась работать аппаратчицей на завод 20. Там её настигла окончательная беда. В камере на рабочем месте от неисправности установки она сильно переоблучилась и дней через 10–15 после этого скончалась.

Следует отметить, что при ликвидации последствий аварии дозиметрического контроля за облучением личного состава с применением кассет не велось, следовательно, и учёта доз, полученных людьми, не было. Контроль осуществлялся своими доморощенными дозиметристами путём замера приборами степени заражения поверхности рук, головы, одежды, обуви, автотехники и технооружения. Иногда это делала и дозиметрическая служба предприятия». Потери среди пожарных были неоправданно велики. Не лучше обстояло дело и в подразделениях внутренних войск. Вспоминает полковник внутренней службы, профессор Академии управления МВД России В. М. Кукушин, в сентябре 1957 г. он командовал ротой 42-го полка (в/ч 3445) внутренних войск МВД СССР:

«Взрывом выбило почти все окна в казармах, рядом с нами в ленкомнате упал со стойки телевизор. Когда облако поднялось, захватывая снизу тучи пыли, наклонилось и пошло на нас с расстояния трёх-четырёх километров, мы стали буквально "загонять" любопытствующих и мало напугавшихся солдат в казармы. Никаких команд и сигналов не поступало, и мы по телефону дозвонились до 43-го полка (это их объект), узнали от дежурного капитана Ю. А. Ивлиева, что жертв нет, караулы целы, упал забор, 2–3 вышки, один солдат ушибся, а что именно взорвалось, он не знает. "Слава Богу, что не склад готовой продукции", — сказал он. Облако стало оседать на городок полка, посыпались хлопья пепла и частицы пыли.

Следует пояснить, что произносить слово "радиация" было строжайше запрещено, как и говорить что-либо о характере производства, поэтому мы по принятой лексике говорили, что это может быть (!) "техническая загрязнённость", не рекомендовали личному составу без нужды выходить из казарм и приказали закрыть окна фанерой и одеялами.

Всё руководство завода, города и дивизии (как мы потом узнали) было на стадионе, где проходил футбольный матч "Динамо" (команда дивизии) — "Красная звезда" (строительный полк). Никаких команд из дивизии не было, прибыли со смены караулы в районе 19 ч, до этого половина личного состава (2,5 роты) успели поужинать, остальные недоумевали, почему их не ведут на ужин. Мы высказали сомнение в безопасности приёма пищи, возникла пауза, время уходило безвозвратно в ожидании приказа. Всё это действовало успокаивающе ("начальство молчит, значит, оснований для тревоги нет"). А мы с лейтенантом Качановым ещё дорисовывали карту, наносили обстановку к завтрашним учениям, закрыв окна фанерой.

И только после 20 час. поступило распоряжение приготовиться к эвакуации, а затем и приказ: "Тревога! Оружие, вещмешки, срочно весь личный состав (100%) в машины и передислоцировать в городок 43-го полка".

Когда около двух часов ночи я подошёл от остановки автобуса к своему дому, то увидел

уникальное явление, незабываемую картину, которая почему-то не упомянута ни в одном из известных научно-литературных источников. Это было голубовато-сиреневое зарево, которое широкой полосой простиралось от места, где находились объекты в районе взрыва, и уходило от промплощадки далеко за границу нашего закрытого города.

Только позднее стало ясно, что это было свечение нижнего слоя атмосферы, ионизированной над полосой следа радиоактивного облака. Так я своими глазами увидел радиацию. Фотография этой картины была бы уникальным научным документом».

Один характерный штрих: все кыштымцы, с которыми я беседовал в процессе подготовки этой статьи, отмечают странное поведение животных, видимо, на генетическом уровне ощущающих смертельную подоплёку радиационной интервенции. Как вспоминает капитан И. Ф. Серов, «через несколько минут после того, как солдаты полка охраны ушли в помещения, густое чёрно-серо-бурое облако нависло над казармами. Наступила темнота после яркого солнечного дня. Состояние людей было ужасным. Служебные собаки вели себя очень беспокойно, всё время выли, птиц нигде не было видно». То же самое было и в Чернобыле...

А вот свидетельство В. М. Кукушина: «В расположении части на промплощадке находились служебные собаки, лошади, свиньи — все они были тоже очень "грязные", и пришлось их уничтожить. Но один солдат-конюх не уничтожил свою лошадь и увёл её в другой городок, держал там в сарае. Конь по кличке Грим продолжал работать — возить дрова, пищу. Шерсть на спине Грима облезла, на спине были язвы. Гамма-поле от коня было очень высокое. Конь стал источником радиации. Пришлось с ним расстаться...»

Среди многих откликов, которые вызвала книга ассоциации «Подвиг МВД в Чернобыле», было и письмо из Бийска от одного из бывших военнослужащих внутренних войск, жизнь которого исковеркала Кыштым. Вот фрагменты этого письма:

«Пытаюсь кое-что вспомнить о тех событиях, хотя прошло много времени, записей и документов у меня не имеется (какие там записи, когда мы давали подписку — рта не разевать о тех событиях), а память многое не сохранила.

Я даже не помню числа, когда произошёл взрыв, помню, что в сентябре месяце, в субботу вечером. Личный состав ужинал, когда солдаты услышали взрыв, одновременно повывлетали стёкла в столовой, радиационная пыль вместе с мелкими камушками посыпалась на столы. Солдаты продолжали кушать, выбрасывая камешки из мисок. (Ведь камешки разжевать нельзя, а что в миску попала радиационная пыль — солдаты не знали.)

Дежурный по части лейтенант В. М. Кукушин доложил командиру части полковнику Гаврикову о случившемся, но личный состав был уложен спать.

Утром гражданские дозиметристы приехали в расположение части — приборы зашкалили. Они быстро повернули назад, посоветовав как можно быстрее вывести личный состав с территории части. Но пока шли переговоры с Москвой (а в Москве встают на 2 час. позже, да ещё был выходной — начальство на дачах), пока всё согласовывалось, решение о выводе части "родилось" только к обеду. Таким образом, личный состав был эвакуирован с заражённой местности только через 16–17 час. после взрыва!

Но прежде всего запомнилось моё эмоциональное восприятие окружающего при въезде в городок части. Встретила нас абсолютная тишина (почему-то даже не стало бродячих собак, которые жили на территории части, — куда-то ушли). Заходил в казармы — стоят одни заправленные койки и непривычная пустота. Еле дунет ветерок из разбитого окна или скрипнет дверка открытой пирамиды (оружие уже было вывезено), и опять тихо. Проходим в клуб, магазин, столовую, штаб. Ощущение такое, будто попал в мёртвое царство. В магазине на полках товар, в

витрине — часы, в т. ч. золотые, и никого нет. Жутковато...

Но надо браться за работу — уничтожать то, что мы видим. И тут опять то же незнание или головотяпство. Приказано сжигать имущество. Сжигаем, но вместе с дымом и пеплом по ветру разносится и радиационная пыль! Через несколько суток получаем команду закапывать. Пригнали бульдозер, вырыли траншею — и принимай, матушка-земля, наши безобразия, мягко говоря. И здесь, при работах по уничтожению имущества части никаких отказов от выполняемой работы со стороны солдат и офицеров не было. Солдат приходилось удерживать от хождения по заражённой местности, от снятия противогаза или защитного костюма. Не было никакого страха. Всё это нас даже немного забавляло, мы были молоды, беспечны, первый раз находились в такой обстановке. Сколько "нахватали" рентген — мы не знали. Наверное, были какие-то данные, но до нас их не доводили, позже уничтожили. Мне в бумагах написали: "В соответствии с утверждёнными методиками установлена доза облучения т. Т. И. Долговых за период выполнения им работ в военном городке, которая составляет 14,9 рентген..." Это по методике, а сколько на самом деле? А сколько я "схватил" всего за 6 лет службы в Челябинске-40? А сколько после, в Златоусте-20, Новосибирске, Красноярске-26? (Простите, это так, к слову пришлось.)

Расплата пришла позже. Из тех сослуживцев, которые со мной были в ликвидации последствий аварии 1957 г. в Челябинске-40, мне в дальнейшей службе пришлось встретиться с майором В. Я. Ивановым и полковником Ю. А. Качановым. Он умер в Новосибирске 38 лет от роду, будучи без зубов и волос. В. Я. Иванов живёт в г. Сланцы Ленинградской области. Сильно болеет.

Командование Челябинской дивизии пыталось участников ликвидации последствий аварии Челябинск-40 наградить правительственными наградами. Было послано представление на ордена и медали. Но нам прислали скромные награды: В. М. Кукушину — медаль "За охрану общественного порядка", мне — благодарность министра!

Ну, а сейчас (не знаю, как другие) я остался один на один со своими болезнями. Согласно письму Совмина местные органы в таких льготах, как бесплатное медицинское обеспечение и др., мне отказали. УВД Алтайского края мне написали "... производить оплату расходов за пользование телефоном и приобретение лекарств не представляется возможным".

Извините, что закончил своё повествование на такой печальной ноте.

С уважением Т. И. Долговых.

15.05.1998 г.».

Что и говорить, свидетельство страшное, хуже любого «фильма ужасов». Кстати, благодаря введённой в научный оборот Н. И. Демидовым докладной записке министра внутренних дел Н. Дудорова и министра среднего машиностроения Е. Славского на имя председателя Совета Министров СССР Н. Булганина (вскоре после Кыштыма Хрущёв выбросит его в Ставропольский совнархоз, прибавив к должности вождя партии и портфель премьера), страна впервые узнала о том, что радиационное облучение в Кыштыме получили не 1007 военнослужащих внутренних войск, а на 60% больше — 1638. Никакой врачебной помощи, хоть в минимальной степени компенсирующей лучевую травму, эти люди не получали десятилетиями. Думаю, на Страшном суде горе-реформаторы Н. С. Хрущёв и М. С. Горбачёв «сочтутся славою» за страшные трагедии Кыштыма и Чернобыля, за своё поведение в дни катастроф.

Сегодня можно с полным правом утверждать, что Н. С. Хрущёв и его окружение несут личную ответственность за то, что были положены под сукно мужественные предложения генерала Г. И. Алейникова, фронтовика, шесть лет командовавшего легендарной дивизией внутренних войск им. Ф. Э. Дзержинского, по урокам и выводам из Кыштымской катастрофы.

Предложения Г. И. Алейникова сократили бы число жертв Чернобыля на порядки. В своих рапортах и докладных записках он настоятельно требовал:

- установить на весь период ликвидации последствий аварии (особенно после дождей) систематическое наблюдение за состоянием районов несения службы и подступов к ним с целью своевременного выявления изменений в уровне радиации местности и воздуха;
- в целях улучшения в частях внутренних войск, несущих охрану аналогичных Челябинску-40 объектов, защиты личного состава от возможного воздействия радиоактивных веществ, а также других факторов (ударная волна, светоизлучение) организовать в этих подразделениях службу безопасности в составе руководителя химической службы, отделения химической разведки и пунктов специальной обработки;
- ввести в штаты и табели частей необходимое имущество для отделений химической защиты, с учётом норм, установленных для соответствующих подразделений Советской Армии (дозиметры всех назначений, спецмашины, защитная одежда и т.д.);
- обязать Главк военного снабжения МВД СССР содержать на складах соединений внутренних войск, выполняющих задачи по охране высокорисковых радиационных объектов, второй комплект обмундирования и обуви с правом использования при авариях, влекущих загрязнение и необходимость дезактивации;
- для обучения личного состава спецчастей действиям в условиях подобных аварий описать действия Н-ского соединения внутренних войск в Челябинске-40 в период 29 сентября—10 октября и разработать задачу на аналогичную тему;
- изучить это описание и проиграть задачу на очередных сборах командирам частей и соединений спецчастей;
- издать приказ МВД СССР о поощрении личного состава войск, милиции, пожарной охраны, охраны лагерей во время аварии на ПО «Маяк».

Вместо принятия этих, в полном смысле слова выстраданных на крови, предложений «партайгеноссе» со Старой площади приказали засекретить любые данные о Кыштымской трагедии даже... от заместителей министра внутренних дел СССР.

И уж совсем крамольными в кабинетах окружения вождя из Калиновки, десять лет безнаказанно куролесившего по стране, были восприняты предложения об обобщении опыта Кыштыма и доведении его до всех подразделений, выполняющих задачи по охране высокорисковых радиационных объектов, на случай других подобных аварий. Ведь реализация этих предложений объективно посягала на незыблемость принципа сверхсекретности случившегося в Кыштыме и максимального ограничения круга лиц (включая и высший эшелон государственного управления), знавших о самом факте радиационной аварии. Увеличение числа посвящённых в страшную тайну могло привести к постановке вопроса о личной ответственности небожителей партийного ареопага за радиационный удар по русской земле, за умышленное оставление тысяч пострадавших советских людей без должной медицинской помощи на десятилетия вперёд. Менее двух лет остаётся до трагического 50-летнего юбилея Кыштыма — засекреченного партноменклатурой упреждающего Колокола Провидения. Думаю, будет правильно, если подвиг наших боевых товарищей в Кыштыме, пусть и с большим опозданием, будет наконец отмечен государственными наградами возрождающейся России.

Два года назад в результате быстро протекавшей болезни на 52-м году жизни скончался генерал-майор внутренней службы В. Т. Кишкурно, много лет руководивший пожарной службой на

закрытых высоко рискованных промышленных и научных объектах, в том числе на ПО «Маяк». Чернобыльцы МВД искренне любили этого огнеборца-подвижника, много сделавшего в защиту интересов кыштымцев. В своей последней статье, написанной накануне кончины, Валерий Тимофеевич писал: «Улицы Озёрска (официальное название город получил в канун своего 50-летия) носят имена рабочих, директоров завода, учёных, генералов, писателей... Но нет улиц и даже переулков, носящих имя героев пожарных спецподразделений, которые тогда совершили поистине героический подвиг. В публикациях последних лет в лучшем случае можно отыскать лишь несколько строчек такого рода: «В ликвидации последствий аварии приняли участие и подразделения пожарной охраны...» И только!

Хочется надеяться, что в преддверии предстоящего скорбного юбилея кыштымского кошмара власти г. Озёрска, губернатор Челябинской области П. И. Сумин найдут возможность увековечить память героев — пожарных, милиционеров, воинов — ликвидаторов той страшной беды. Ведь это нужно живым, тем, кто продолжает подвиг ушедших из их жизни.

16:22 из-за выхода из строя системы охлаждения произошёл взрыв ёмкости объёмом 300 кубических метров, где содержалось около 80 м³ высокорadioактивных ядерных отходов. Взрывом, оцениваемым в десятки тонн в тротиловом эквиваленте, ёмкость была разрушена, бетонное перекрытие толщиной 1 метр весом 160 тонн отброшено в сторону, в атмосферу было выброшено около 20 млн [кюри](#) радиации.

[Озёрск](#) сегодня

Часть радиоактивных веществ были подняты взрывом на высоту 1-2 км и образовали облако, состоящее из жидких и твёрдых аэрозолей. В течение 10-11 часов радиоактивные вещества выпали на протяжении 300—350 км в северо-восточном направлении от места взрыва (по направлению ветра). В зоне радиационного загрязнения оказалась территория нескольких предприятий комбината «Маяк», военный городок, пожарная часть, колония заключённых и далее территория площадью 23000 кв.км. с населением 270 000 человек в 217 населённых пунктах трёх областей: Челябинской, Свердловской и Тюменской. Сам [Челябинск-40](#) не пострадал. 90 процентов радиационных загрязнений выпали на территории ЗАТО (закрытого административно-территориального образования химкомбината «Маяк»), а остальная часть рассеялась дальше.

В ходе ликвидации последствий аварии 23 деревни из наиболее загрязнённых районов с населением от 10 до 12 тысяч человек были отселены, а строения, имущество и скот уничтожены. Для предотвращения разноса радиации в [1959 году](#) решением правительства была образована санитарно-защитная зона на наиболее загрязнённой части радиоактивного следа, где всякая хозяйственная деятельность была запрещена, а с [1968](#)

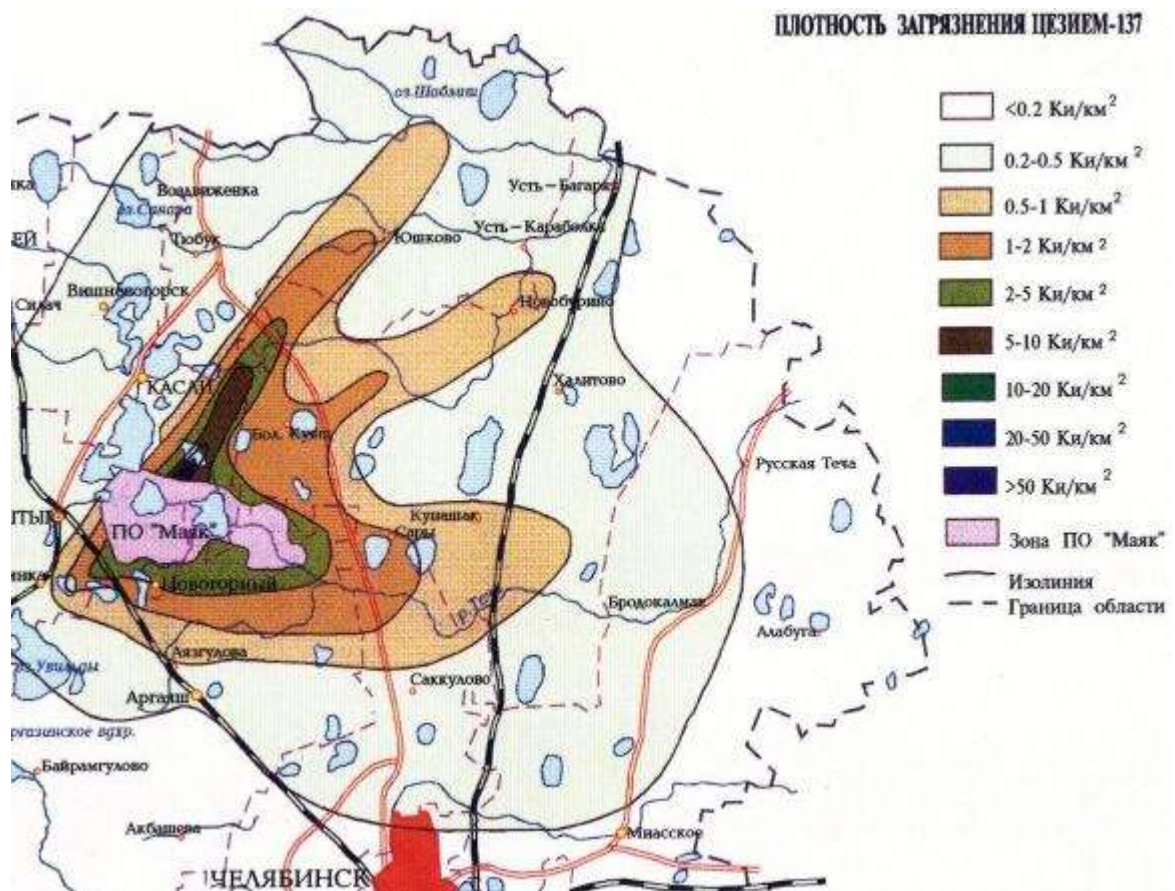
года на этой территории образован [Восточно-Уральский государственный заповедник](#). Сейчас зона заражения именуется [Восточно-Уральским радиоактивным следом](#) (ВУРС).

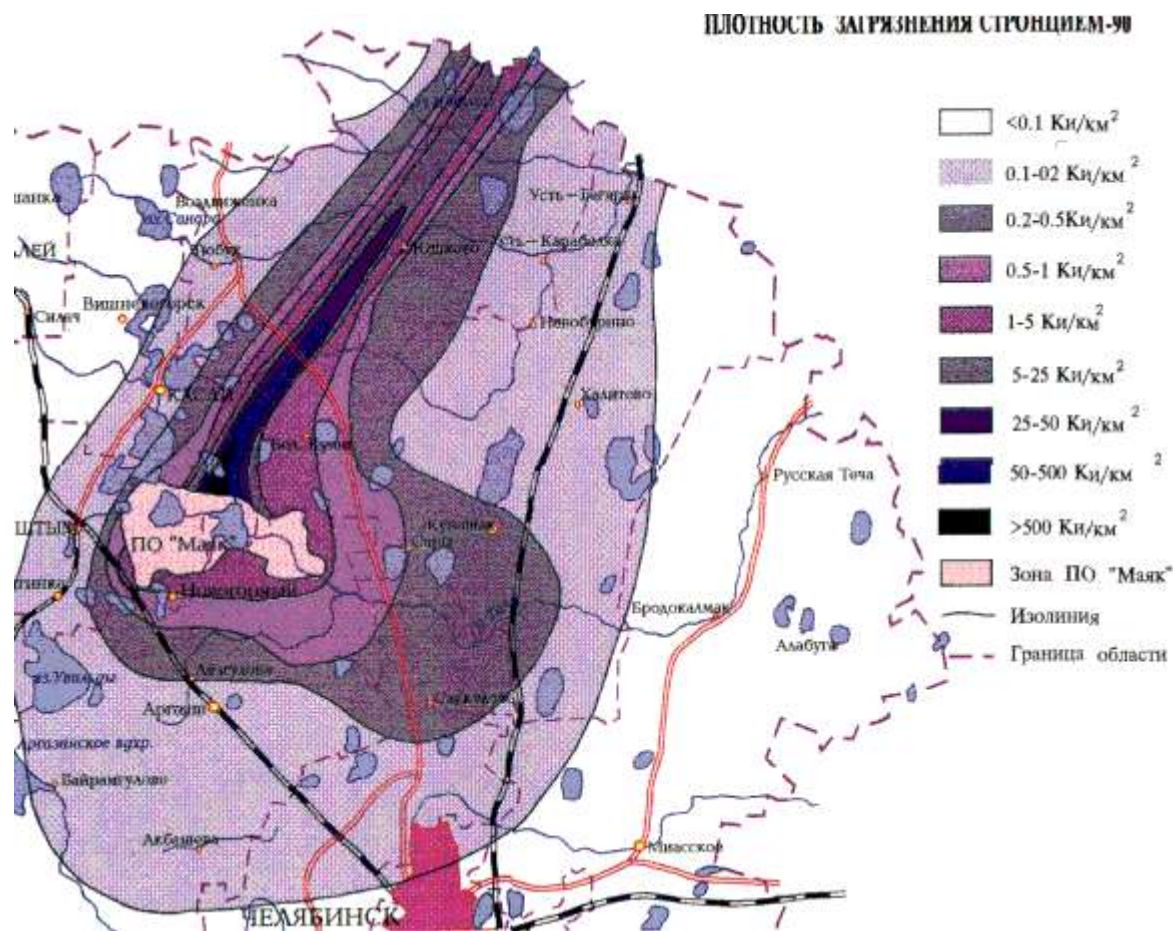
Для ликвидации последствий аварии привлекались сотни тысяч военнослужащих и гражданского населения, получивших значительные дозы облучения.

Осенью 1957 г. вследствие недостатков конструкции резервуаров в которых хранились высокоактивные жидкие отходы, произошел радиационный перегрев одного из этих резервуаров, приведший к взрыву содержащейся в нем нитратно-ацетатной смеси. В результате взрыва произошел выброс радиоактивных продуктов общей активностью 7.4×10^{17} Бк. 90% выброшенной активности выпало в ближайшей зоне на промплощадке, оставшая активность (7.4×10^{16} Бк) образовала радиоактивное облако высотой в один километр.

Эта активность была рассеяна ветром на значительное расстояние, что привело к радиоактивному загрязнению северной части Челябинской области и Южной части Свердловской области. Загрязненная территория, впоследствии названная Восточно-Уральским радиоактивным следом (ВУРС), занимает площадь около 20000 км² в пределах минимально измеряемого уровня радиоактивного загрязнения ⁹⁰Sr (0.1 Ки/км²), и 1000 км² в пределах уровня загрязнения ⁹⁰Sr 2 Ки/км². Последнее значение было принято в качестве допустимого уровня облучения. В то время на загрязненной территории проживало 272000 человек.

Здесь приводятся карты загрязнения территорий ⁹⁰Sr и ¹³⁷Cs, составленные на основе данных измерений, выполненных в 1993 г Челябинским областным центром гидрометеорологии и экологического мониторинга.

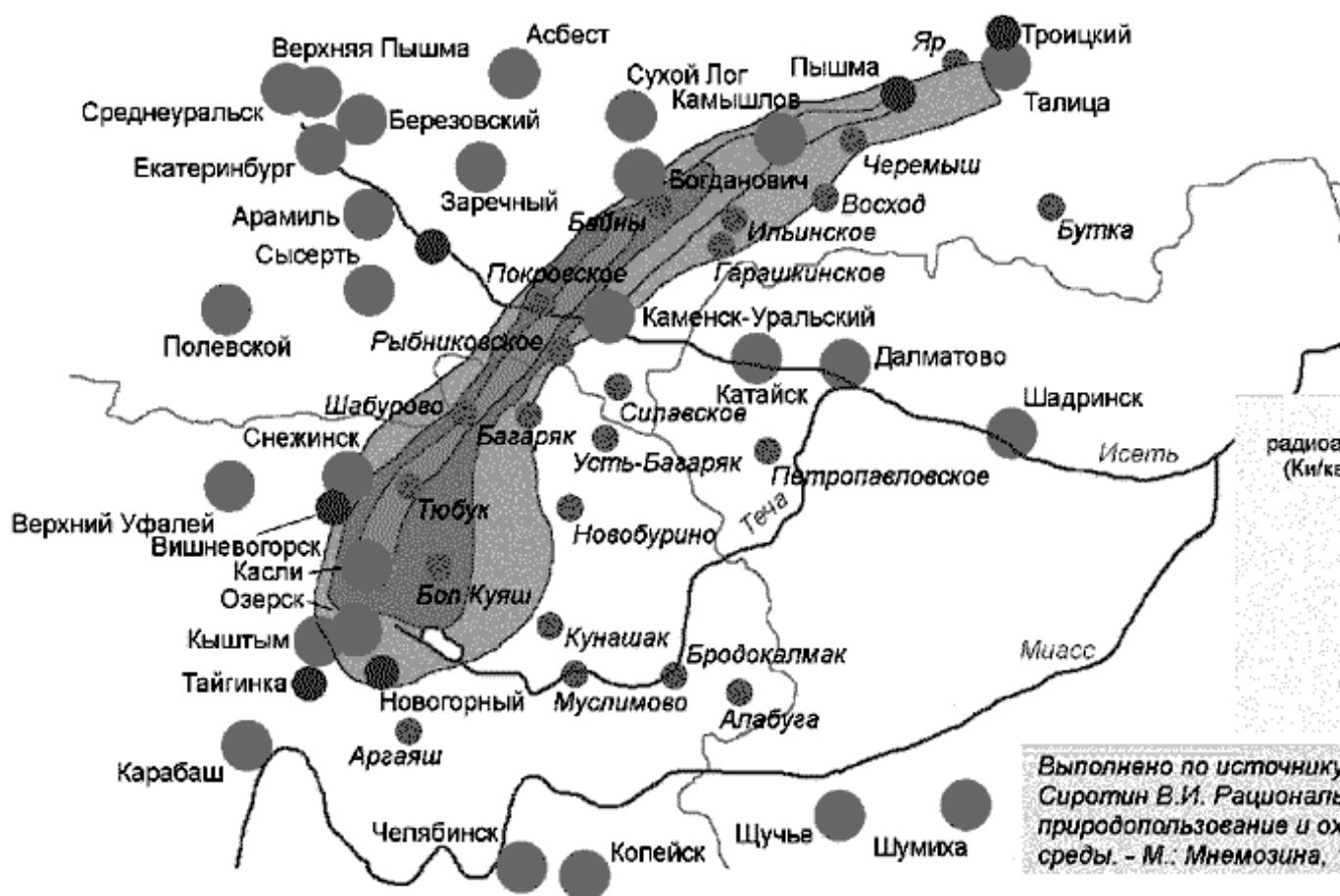

Из: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook010/01/index.html?part-015.htm>

Наконец, в сентябре 1957 г. на хранилищах комбината произошел взрыв емкости с высохшими радиоактивными отходами, в зоне Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС) в Свердловской, Челябинской и Курганской областях оказалась территория в 23 тыс. кв. км, где находилось более 200 населенных пунктов и проживало около 300 тыс. человек. С загрязненной территории было эвакуировано более 100 тыс. человек. Авария в Кыштыме по некоторым данным оценивается в 1 млрд. 200 млн. кюри, **что превышает "результаты" Чернобыльской катастрофы более чем в 20 раз.** Требуется значительные финансовые средства для восстановления территорий в Курганской, Челябинской и Свердловской областях.

УР: ВОСТОЧНО-УРАЛЬСКИЙ РАДИОАКТИВНЫЙ СЛЕД

Из доклада ГРИНПИС Россия [“Маяк” – трагедия длиной в 50 лет](#)

Вторая радиационная катастрофа, 50-я годовщина которой приходится на 2007 год, связана с взрывом на территории ФГУП «ПО «Маяк» емкости с высокоактивными отходами. В окружающую среду было выброшено 20 млн. Кюри, из которых за пределы промышленной площадки попало 2 млн. Кюри. До 26 апреля 1986 г. эта радиационная авария была крупнейшей в мире. Для сравнения чернобыльский выброс составил 380 млн Кюри. В результате катастрофы облучению подверглись 272 000 человек в 217 населенных пунктах.

Для определения границы радиоактивного загрязнения (т.н. Восточно-уральского радиоактивного следа) была использована плотность загрязнения по стронцию-90. Длина следа с плотностью загрязнения 0,1 Ки/км² (в 2 раза превышавшей глобальный уровень выпадения стронция-90) составила 300 км, ширина – 30-50 км. Оценочно загрязненная площадь составила 15 000-20 000 км² [4].

В 1958 году территории с плотностью загрязнения стронцием-90 свыше 2 Ки/км² общей площадью порядка 1000 км² были выведены из хозяйственного оборота. Населенные пункты с этой территории были эвакуированы.

Но на границе зоны с плотностью 2 Ки/км² остались несколько населенных пунктов, в том числе Татарская Караболка (около 500 жителей) и Мусакаево (около 100 жителей). Официальные органы

заявляют о том, что проживание на границе с этой территорией, безопасно. Однако практика показывает обратное.

Радиоактивное загрязнение в результате взрыва 29 сентября 1957 г.
(плотность загрязнения приведена для стронция-90, Ки/км²)

14.11.2017. В статье «Если бы директором был я...» <https://trv-science.ru/2017/11/07/vodorodnuyu-bombu-my-sdelali-ranshe-amerikancev/> упомянут Челябинск-40.

Пишет проф. Л.П. Межов-Деглин (Институт физики твёрдого тела РАН, г. Черноголовка).

У меня в Озерске в пятидесятые- шестидесятые годы жила двоюродная сестра Галя с мужем и двумя детьми, которые там родились. Муж-шофер сильно заболел и потом умер до 40 лет, девочки и их дети (внуки Гали) болели всю жизнь - радиационные повреждения крови, лейкемия. Наша семья только чудом не попала в Челябинск-40, хотя тетю Фаню - бухгалтера и особенно мою маму - химика-органика туда усиленно зазывали соседи по вагону, когда мы ехали в эвакуацию в поезде из Харькова в Магнитогорск, обещая хорошее жилье и работу (сосед стал главным инженером одного из заводов, и по словам его жены во время войны они жили "как сыр в масле" по сравнению с окружающими; досталось им за этот "сыр" в 57-м году). Странная штука - история.